
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеоисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

К. Н. Яцковская

Письмо в редакцию сборника «Mongolica»

Так сложилось, что весной 2008 г., приехав в Бостон (США) погостить у внучки, я получила неожиданный подарок от Н. А. Симуковой — три тома «Трудов о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова, издание которых в 2008 г. завершилось в г. Осака (Япония). В течение многих лет Наталия Андреевна поступательно и твердо после реабилитации отца подвижнически занималась проблемой публикации его работ. И как главный итог — выход трудов А. Д. Симукова в Японии. Жаль, конечно, что не в России это случилось. Но спасибо всем, кто участвовал в таком важном и святом деле!

Первому тому предпослано несколько статей, в том числе авторитетных монгольских авторов, давших заслуженно высокую оценку многолетней деятельности А. Д. Симукова в Монголии, его научному наследию, оставшемуся по большей части неопубликованным после необоснованного его ареста в 1939 г. советскими органами НКВД. (В 1956 г. А. Д. Симуков был реабилитирован за отсутствием состава преступления.)

Монголы не забыли, что в восстановлении деятельности кабинета географии Комитета наук, в сохранении научного наследия А. Д. Симукова большую роль сыграл советский ученый-географ Э. М. Мурзаев. Доктор географических наук П. Цолмон скрупулезно собрал и пространно процитировал в статье об А. Д. Симукове те места из книги Э. М. Мурзаева, где он дает ценную характеристику трудов Андрея Дмитриевича. П. Цолмон приводит также слова ученика Э. М. Мурзаева, впоследствии директора Института географии АН МНР, акад. Ш. Цэгмида, который вспоминал: «После его (А. Д. Симукова. — К. Я.) ареста опустело географическое отделение, собранные материалы, отчеты, рукописи неопубликованных книг, статьи и полевые дневники, разбросанные по чужим шкафам и стеллажам, были буквально на грани того, чтобы быть утерянными. Надо было их собрать и привести в порядок, создать фонд рукописей. Эту работу выполнил Э. М. Мурзаев, он изучил эти материалы. Мы с Ц. Пунцагноровом по-

могали ему. Тогда я плохо представлял географию нашей страны — только в рамках школьной программы, — и потому эти рукописи были настолько интересны, что ощущал себя первооткрывателем нового для меня мира» [Цолмон, 2007. С. 40]. Подробные воспоминания другого ученика Э. М. Мурзаева, Ц. Пунцагнорова, тоже ставшего действительным членом АН МНР, были опубликованы им к 80-летию учителя в монгольском научном издании. В них — рассказ о работе вместе с Э. М. Мурзаевым над упорядочением архивного фонда материалов разных исследователей, трудившихся до 1940 г. в Комитете наук, о маршрутах экспедиций, о добрых чертах характера учителя.

Спустя несколько дней после нашей встречи Наталия Андреевна прислала мне текст неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)», написанной покойной И. И. Ломакиной. По прочтении я в телефонном разговоре поделилась с Наталией Андреевной своими впечатлениями, заметив, что менее всего мне понравилась глава об Эдуарде Макаровиче Мурзаеве, глубоко чтимом мною Учителе. Мне казалось, что я достаточно обоснованно изложила своё неприятие отдельных суждений И. И. Ломакиной о трудах Э. М. Мурзаева, о его человеческом достоинстве. Главное, нигде, ни единым словом не отмечена забота Э. М. Мурзаева о сохранении трудов А. Д. Симукова. И вот, в год столетия со дня рождения Э. М. Мурзаева, в сборнике *Mongolica-VIII* были изданы главы из неопубликованной повести И. И. Ломакиной. Подготовка к печати, введение и комментарий принадлежат Н. А. Симуковой [Ломакина, 2008. С. 128—135]. Последняя главка, «Судьба наследия А. Д. Симукова», вместо объективных слов благодарности Э. М. Мурзаеву, всемерно способствовавшему собиранию и сохранению всего этого наследия и не один раз воздававшему должное А. Д. Симукову, бросает тень на доброе имя Эдуарда Макаровича. (Текст неопубли-

кованной повести И. И. Ломакиной, по словам Н. А. Симуковой, был ею по электронной почте переслан также в Японию издателям трудов А. Д. Симукова.)

Я была лично знакома с Инессой Ивановной. Работая над повестью, она обращалась ко мне из Петербурга за советом, и я сказала бы ей теперь, в чем не согласна с ней. Увы! Ее нет с нами. Минуло 11 лет и со времени кончины Э. М. Мурзаева (1908—1998). Известный ученый Э. М. Мурзаев плодотворно трудился всю жизнь. Последняя монография — «Тюркские географические названия» — была издана им в 88 лет!

Один за другим ушли и уходят наши наставники, да и ровесники. В монголоведение пришли и будут приходить представители новых поколений. Долг живущих представить им своих современников в истинном свете. Поэтому, если в руках читателя окажется *Mongolica*-VIII или текст повести И. И. Ломакиной, по праву ученицы Э. М. Мурзаева я в первую очередь хотела бы помочь узнать то, о чем И. И. Ломакина в разделе об Э. М. Мурзаеве умолчала или оборвала цитаты из его текстов.

Совсем нетрудно предположить, что просьба Комитета наук МНР о командировании к ним ученого-географа возникла не случайно. После ареста А. Д. Симукова оголилось не одно направление в научной деятельности этого монгольского учреждения. Зная требования, предъявляемые к оформлению приглашений в страну иностранных ученых, несложно представить, что Комитет наук МНР обращался в правительственные органы с изложением возникших затруднений в создании запланированного ранее труда по географии Монголии. Власть маршала Чойбалсана не была всемогущей перед репрессивной машиной СССР. Он, естественно, не мог не знать о судьбе А. Д. Симукова, отмеченного в свое время монгольскими правительственными наградами, об уроне, нанесенном монгольской науке его арестом. В Академии наук СССР решение этого вопроса было передано в Монгольскую комиссию. Выбор пал на одаренного ученого Э. М. Мурзаева, ранее прекрасно зарекомендовавшего себя работами по Средней Азии, хорошо известного географа, пользовавшегося авторитетом среди членов Географического общества СССР. Перед поездкой в Монголию Э. М. Мурзаева благожелательно напутствовали академики О. Ю. Шмидт (в ту пору вице-президент Академии наук) и Л. С. Берг. Слова последнего «Вы едете в Центральную Азию — область столь увлекательную и заманчивую для географа, что Вам можно только позавидовать» навсегда остались в памяти Э. М. Мурзаева.

Первой работой ученого по Монголии стала книга, вышедшая в Улан-Баторе на монгольском языке в 1943 г. Сухой язык современного документального издания констатирует: «В 1940 г. Монгольская комиссия по просьбе Комитета наук командировала в Монголию географа Э. М. Мурзаева (Институт географии) и почвоведом Н. Д. Беспалова (Почвенный институт АН), которые проработали там несколько лет, включая военные годы. Работы Э. М. Мурзаева внесли весомый вклад в географическое изучение Монголии, в част-

ности физической географии страны и ее физико-географического районирования. Он стал автором целого ряда научных и научно-популярных работ по географии и топонимике Монголии, о ее исследователях, ярких публикаций о своих многочисленных экспедициях по стране. Большую работу в годы пребывания в Монголии (1940—1944) Э. М. Мурзаев проделал по развитию кабинета географии Комитета наук» [Юсупова, 2006. С. 164—165].

Э. М. Мурзаев приехал в Улан-Батор в сентябре 1940 г. «Первое, с чего я начал в Улан-Баторе, — привел в порядок все географические карты Монголии и большое количество рукописей, написанных различными исследователями страны в разное время. Рукописей набралось более двухсот, и значительная часть их не публиковалась, тем более сохранение этого рукописного фонда мне казалось необходимым и важным.

Среди рукописей на русском языке выделялись отчеты о путешествиях А. Д. Симукова и С. А. Кондратьева <...> Они показали себя пытливыми исследователями, проникли в самые глухие и отдаленные уголки Монголии и написали немало интересных работ» [Мурзаев, 1979. С. 73]. Далее Э. М. Мурзаев более подробно пишет об обоих, сначала о С. А. Кондратьеве, затем об А. Д. Симукове, отмечая, что он дольше всех работал в Монгольской Народной Республике. «Андрей Дмитриевич Симуков увлекся изучением малоизвестных окраин Монголии и в ряде мест оказался первооткрывателем. Он остался в Улан-Баторе и после отъезда Кондратьева в Москву. За годы жизни в Монголии Симуков настолько овладел монгольским языком, что свободно говорил на нем. <...> Симуков был энергичным трудоспособным человеком. Он опубликовал несколько работ (напечатанных в улан-баторских журналах) и оставил большое рукописное наследство (довольно пестрое по содержанию), как будто понимая, что все сведения о глухих районах Центральной Азии будут с благодарностью использованы. Здесь и дневниковые записи, и описание отдельных маршрутов и районов. Следует отметить большое произведение по географии Монголии, достаточно полное для своего времени» [Там же. С. 75—76]. И еще. Через десять лет Э. М. Мурзаев в статье «Исследования Центральной Азии», открывающей книгу «Н. М. Пржевальский и современная география», в ряду продолжателей дела великого русского путешественника ставит имя А. Д. Симукова: «...Старшее поколение ученых страны до сих пор помнит неиссякаемую энергию Андрея Дмитриевича и чтит память о нем как о человеке, много сделавшем для развития науки в республике» [Мурзаев, 1989. С. 13—14]. Монголы, которым свойственна благодарная память, сразу и навсегда запомнили всё сделанное и написанное Э. М. Мурзаевым для их страны и ее науки.

Считая своим долгом рассказать читателям сборников «*Mongolica*» об Э. М. Мурзаеве, каким он был и оставался для всех, знавших его лично, ценивших его труды, прошу опубликовать вместе с

письмом мою статью «Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев».

С благодарностью хочу назвать монголоведа кандидата искусствоведения К. А. Гладышеву, также учившуюся во второй половине 40-х гг. прошлого

века у Э. М. Мурзаева в Московском институте востоковедения и взявшую на себя труд критически прочитать мою статью о нашем незабвенном Учителе на все времена.

Литература

Ломакина И. И. Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)» // *Mongolica-VIII*. СПб., 2008.

Мурзаев Э. М. Исследования Центральной Азии // Н. М. Пржевальский и современная география. М., 1989.

Мурзаев Э. М. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979.

Цолмон П. Сердце, отданное Монголии // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Гос. Музей этнологии. Осака, 2007.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925—1953 гг.). СПб., 2006.

Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998)

В конце 1945 г. в Московский институт востоковедения деканом Дальневосточного факультета известным монголистом Г. Д. Санжеевым для чтения лекций студентам по Восточной, Центральной Азии и Монголии в качестве преподавателя на кафедру истории, экономики, географии стран Дальнего Востока был приглашен вернувшийся годом раньше из командировки в Монголию научный сотрудник Института географии АН СССР Э. М. Мурзаев.

Биографический словарь отечественных востоковедов в статье «Мурзаев Эдуард Макарович» кратко сообщает: «...род. 19.05(1.06) 1908 в Симферополе... В 1930 окончил геогр. фак. ЛГУ. Канд. геогр. наук (26.03.1940), тема дис.: „Территории, прилегающие к верхн. части Узбоя (Сев.-Зап. Туркмения). Рельеф и воды: (По исследованиям 1937 г. и отчасти 1936 г.)“... Старший научный сотрудник (05.07.1938)... Участник геогр. экспедиций в Средн. и Центр. Азии (1931, 1934—1935, 1950), на Памире (1951), экспедиций в МНР (1940—1944)... Издано более 600 работ» [Милибанд, 1995. С. 110]. К этому следует добавить, что в пятидесятые годы доктор географических наук Э. М. Мурзаев совершает экспедиции в Китае, в шестидесятые — во Вьетнаме, вместе с учеными этих стран участвует в географических исследованиях, завершающихся рядом совместных научных трудов, публикацией ценных экспедиционных записей географа. Возвращаясь к темам, которые занимали ученого в 30-е гг., на новом уровне продолжает работу над фундаментальной монографией по Средней Азии.

Три года мы слушали лекции Э. М. Мурзаева, потом всю жизнь, не переставая, учились по его книгам, по его живому слову, старались следовать его примеру любви к избранному делу, преданности науке, почитанию предшественников во всех поколениях, уважению коллег. Страницы его книг давали возможность узнать, как формировалось влечение к будущему делу и как этим делом стала наука, позволяющая проникнуть в мир природы; познакомили с ни с чем не сравнимой творческой обстановкой на гео-

графическом факультете в Ленинградском университете. Неповторимая университетская среда, создаваемая лекциями и личным общением с выдающимися учеными; постижение трудов великих предшественников; долгие дороги, исхоженные в разных землях; живая, не проходящая с годами, увлеченность географией и любовь на всю жизнь к сопутствующей ей топонимике.

Итак, судьба подарила мне неисчерпаемое счастье учиться у Э. М. Мурзаева, в разные годы пользоваться его советами, внимательным отношением к моим занятиям. Он решительно в 1960 г. развеял мои сомнения о поступлении в аспирантуру после внезапной кончины Ю. Н. Рериха, незадолго до этого выразившего готовность быть моим научным руководителем. Через год, когда в Монголии Комитет наук был преобразован в Академию наук, Эдуард Макарович позвонил мне и поздравил с радостной вестью «Теперь откроются новые возможности для расширения научного сотрудничества. Поедете в страну!» — предрек он. Так и случилось. Правда, не сразу, а в 1965 г. первая группа научных сотрудников Института востоковедения АН СССР на длительный срок выехала на стажировку в академические институты Академии наук МНР.

Не однажды доставляли мне неизменную радость приглашения Эдуарда Макаровича навестить его дома. (Такова была традиция, воспринятая им от его Учителя академика Л. С. Берга.) Я приезжала рассказать о своей очередной экспедиции в Монголии, о Международных конгрессах монголоведов, всегда проходивших в Улан-Баторе; поделиться новостями о поездках во Внутреннюю Монголию, о том, что довелось оказаться в Ордосе с его памятными сооружениями в честь Чингис-хана. Каждый раз в учителе открывался потрясающе внимательный и заинтересованный слушатель. Не знаю, почему в свое время не порасспрашивала Эдуарда Макаровича о его пути в географы, в науку. Теперь осталось попытаться восстановить это по оставленным нам книгам.

Будучи мальчиком, росшим в Крыму, Э. М. Мурзаев сначала ходил в пешие маршруты вместе с одноклассниками под руководством учителя, потом ученики старших классов небольшими группами отправлялись в горы самостоятельно. Сначала исходили южную, самую живописную часть Крыма. Больше всего Мурзаеву-юноше пришлось по душе долины восточного побережья Крыма с его сухими горами, худосочными речками, колючими зарослями на склонах и виноградниками на поливных террасах. «До сих пор сохранилась моя юношеская привязанность к Крыму, его неповторимым пейзажам, — читаем в автобиографических заметках Э. М. Мурзаева. <...> Не случайно раз в несколько лет, когда выдается свободное время, я и теперь еду в Крым и целыми днями брожу по его тропам... В тишине крымского леса, где стоит смолистый запах сосны, или в безлесных холмах восточной части полуострова с высоты открывается широкая панорама гор, моря, сбегających по склону поселков, виноградников и петляющих дорог. Знакомая картина еще и по полотнам Максимилиана Волошина и Константина Богаевского — художников, влюбленных в Крым. У Волошина прочитал: „Черной тушью четких линий отчеканенная даль”. Опять же о Крыме и его неоглядных горизонтах. Поразительно, как можно так чеканить слова» [Мурзаев, 1979. С. 6]. Сбор библиографии по географии Крыма, чтение обширной литературы, выписывание метких характеристик его природы, встречающихся в литературных произведениях, — все эти занятия еще в школе привели к выбору будущей профессии.

В 1927 г. юный крымчанин уезжает учиться в Ленинград, становится студентом географического факультета Ленинградского университета. Он считал себя уже опытным и умелым пешеходом и туристом, хорошо знающим Крым. Поэтому его привлекло Общество по изучению Крыма и он стал посещать его заседания. В студенческие же годы он завязал связи с Обществом пролетарского туризма и экскурсий и стал работать в научно-методическом кабинете Ленинградского областного совета этого общества. Третьекурсником совершил свое первое — оставшееся единственным — путешествие в Карелию к Онежскому озеру и был поражен северной природой, совсем не похожей на крымскую.

Любознательному и энергичному студенту, перешедшему на четвертый курс, после летней экзаменационной сессии посчастливилось принять участие в экспедиции, снаряженной Академией наук СССР в Армению. Членам экспедиции нужно было выяснить закономерности в строении рельефа и залегании подземных вод. По указанию начальника геоморфологического отряда Б. Л. Личкова Э. М. Мурзаев должен был собирать образцы горных пород, этикетировать их, измерять речные террасы, чертить профили небольших долин, описывать и зарисовывать обнажения горных пород. «Мой начальник, — благодарно вспоминает Э. М. Мурзаев, — прекрасный пешеход, неумоимо собирал полевой материал, и

скоро в районе наших работ не осталось сколько-нибудь заметной тропы, по которой бы мы не прошли. Эти горные тропы, узкие и каменистые, я хорошо помню и сегодня. То было начало, первая ступень трудной школы путешественника-исследователя» [Там же. С. 7]. За три месяца пеших хождений студент Мурзаев многому научился у Б. Л. Личкова, которого среди своих учеников выделял такой корифей науки, как В. И. Вернадский. «Я многим обязан Борису Леонидовичу Личкову, — читаем ниже у Э. М. Мурзаева. — И не только за практическую учебу в экспедиции. По существу, на моем жизненном пути он был первым высокообразованным человеком, с которым мне довелось близко общаться изо дня в день в течение всего лета» [Там же. С. 8]. Связь с профессором Б. Л. Личковым сохранялась на протяжении многих лет. А тогда, по возвращении из Армении, из первой экспедиции, пришло понимание, что еще мало был подготовлен к полевой работе, что нужно еще многому учиться. Как бы в заключение Э. М. Мурзаев итожит: «Овладение методами исследовательской работы пришло позже, оно явилось результатом многих экспедиций в разные районы Средней Азии» [Там же. С. 15].

Географический факультет Ленинградского университета в годы учебы Э. М. Мурзаева был старейшим центром высшего географического образования в СССР. Среди преподавателей — немало выдающихся ученых. С сердечной благодарностью, глубокой признательностью и любовью Э. М. Мурзаев, как и многие отечественные географы, называл имена читавших им лекции профессоров Л. С. Берга, В. Г. Богораз-Тана, А. А. Григорьева, В. П. Семенова-Тян-Шанского. Некоторые из них оставили неизгладимый след в судьбе и становлении будущего ученого-географа и топонимиста. «Более всего я любил слушать лекции и общаться с Владимиром Германовичем Богоразом-Таном и Львом Семеновичем Бергом», — открывает свои предпочтения Э. М. Мурзаев.

Рискуя предположить, что Владимир Германович, известный не только как ученый, но и как писатель Тан (Богораз), не в малой степени повлиял на воспитание художественного вкуса у студента Мурзаева, возможно, что это он привлек внимание будущего географа к А. П. Чехову, с гимназических лет преклонявшемуся перед Н. М. Пржевальским. (Писатель В. Г. Тан (Богораз) интересовался и писал о Таганрогской гимназии, в которой учился А. П. Чехов. — К. Я.)

Как дань глубокого уважения и признательности другому учителю за многие годы общения с ним Эдуард Макарович написал книгу «Жизнь есть деяние» к столетию со дня рождения академика Л. С. Берга [Мурзаев, 1976. С. 102]. Он считал своим долгом познакомить читателя с Л. С. Бергом как человеком, коротко рассказать о жизненном пути Льва Семеновича, о его географических работах. В книге пять основных глав, раскрывающих эрудицию академика в разных областях естествознания, что по-

зволило ему оставить большое, не потерявшее своей ценности научное наследие. Каждой главе предпослан эпиграф. Главу о научном наследии, например, открывают строки из самого Л. Берга: «Настоящая наука беспредельна, и чем больше занимаешься любой наукой, тем больше возникают все новые и новые вопросы, число которых безгранично» [Там же. С. 44]. В другом месте слова А. П. Чехова звучат как девиз всей жизни Л. С. Берга: «Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни» [Там же. С. 83].

Программными наставлениями стали для Э. М. Мурзаева мысли Л. С. Берга, изложенные в статьях, посвященных народной географической терминологии. Они были реализованы в трудах по топонимике, а также в работе над «Словарем народных географических терминов» [Мурзаев, 1984].

Об одном умолчал автор в книге о Л. С. Берге. О том, как в непростые для науки времена выступил с защитой учителя, поддержав учение Л. С. Берга о ландшафтах.

В рассказе об удивительном качестве Л. С. Берга — непрерывной творческой работоспособности в течение всей жизни, когда все время отдавалось науке, примечателен эпизод из последних месяцев жизни академика. Из-за сильных болей в ноге его мучила бессонница. «Когда не мог спать, он вставал, садился к письменному столу и писал книгу о Пржевальском для детей школьного возраста. К популяризации науки он относился очень серьезно и не мог отказать Ленинградскому отделению Издательства детской литературы, когда оно обратилось к нему с просьбой рассказать о путешествиях в Центральную Азию» [Мурзаев, 1976. С. 46]. Отнюдь не случайно Э. М. Мурзаев пишет об этой стороне деятельности академика Л. С. Берга. Такое отношение к популяризации науки стало важным делом и для Эдуарда Макаровича. Примечателен еще один факт. Книга Л. С. Берга для детей под названием «Путешествия Н. М. Пржевальского» [1952] вышла через два года после смерти автора. Подготовил ее к печати Э. М. Мурзаев.

Однако вернусь к истории первого знакомства со своим учителем. Тогда, в 1945 г., мы, первокурсники, в зимнюю сессию должны были сдавать зачет по географии. (Вступительные экзамены мы сдавали преподавателю Д. Ринчинэ, читавшему нам и первоначальный курс по этому предмету.) В расписании экзаменов значилась незнакомая фамилия экзаменатора: Мурзаев Э. М. Перед зачетом я занималась, прямо скажем, не очень усердно. Каково же было мое удивление, когда от сокурсников, выходящих из аудитории, узнала, что преподаватель принимает зачет самым серьезным образом и предлагает отвечать по билету с вопросами... Мне стало неловко за свое легкомыслие. Войдя в аудиторию, где отвечали мои одноклассники, поняла, что не готова вести предметный диалог с преподавателем (а он вел зачет именно в такой форме), и, внутренне устыдившись, я

попросила разрешения прийти еще раз. Тот удивительный зачет, обратившийся в содержательное, по-настоящему интересное собеседование у физической карты мира остался в памяти на всю жизнь.

Как оказалось, мимо внимания Э. М. Мурзаева не прошли недочеты в знаниях студентов, особо им было отмечено, что плохо запоминаются чуждые для родного языка географические названия, неувоенной остается номенклатура карты, без чего трудно получить пространственные представления о размещении тех или иных фактов, явлений или географических закономерностей. «Тогда на лекциях, — делился ученый-географ воспоминаниями о своем приходе в новый для него мир ориенталистики и ориенталистов, — я стал раскрывать географические названия, показывать их смысл в связи с географическими реалиями. Конечно, далеко не все упоминающиеся в тексте лекций топонимы поддавались моему стремлению увязать форму и содержание, и все же радостно было видеть, как пробуждается интерес у слушателей, как поднимается уровень освоения материалов курса, как осмысленно они подходят к пониманию карты» [Мурзаев, 1979. С. 94].

Потом были три года с лекциями Эдуарда Макаровича по географии и этнографии Монголии. По его заданию мы сами чертили контурные карты Монгольской Народной Республики и постепенно наносили на нее главные географические системы, которые образно представлял наш учитель.

Бесценными пособиями в нашей учебе были труды русских путешественников по Центральной Азии. Особенной книгой стала «Монголия и страна тангутов» Н. М. Пржевальского, выпущенная в 1946 г. стараниями Э. М. Мурзаева. Он был редактором и автором обширной вступительной статьи.

Имя Н. М. Пржевальского и жизнь этого блистательного путешественника-исследователя Центральной Азии, думается, были с юных лет близки Э. М. Мурзаеву точно так же, как и современникам великого ученого, которые высоко ценили его деятельность, ждали каждого нового слова об открытиях на маршрутах экспедиций. Не случайно свой очерк «Николай Михайлович Пржевальский» Э. М. Мурзаев, научный редактор четырехтомного собрания сочинений Н. М. Пржевальского, закончил словами А. П. Чехова, откликнувшегося на весть о безвременной кончине путешественника: «Один Пржевальский или один Стэнли стоит десятков учебных заведений или сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду, изнурительным лихорадкам, тоска по родине, их фанатическая вера в науку — делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая

сила. Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Левингстона знает каждый и недаром по тем путям, где проходили они, народы оставляют о них легенды» [Мурзаев, 1946. С. 32].

Надо отдать должное Эдуарду Макаровичу в его знании классиков и любви к художественной литературе. Тогда, в далекие сороковые годы, непросто было найти этот не включенный Чеховым в собрание сочинений некролог (он был опубликован лишь в газете). Это сейчас с помощью электронной библиотеки мы можем найти в интернете множество ссылок на некролог А. П. Чехова, познакомиться с его полным текстом и, возможно слишком смело, предположить, что Пржевальский давно звал А. П. Чехова к подвигу, в отважные путешествия, что осуществлением этого зова стала поездка на Сахалин. Здесь же хотелось бы восстановить первые строки некролога, не вошедшие в процитированный выше текст: «Н. М. Пржевальский, умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умиравшему бог дал силы совершить еще один подвиг — подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне. Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение». Продолжим чеховский текст после отрывка, процитированного выше в статье Э. М. Мурзаевым: «Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги — это шалость, но не простая; безграмотный абхазец говорит вздорные сказки об Андрее Первозванном, но это не простой вздор. Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига.

В наше больное время, когда европейские общества обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем

ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, ради чего Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятен весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать свое дело после смерти, оживлять свою могилу пустыню. Читая его биографию, никто не спросит: зачем? Почему? Какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

Нет нужды искать основания необходимости переиздания книги Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов». Можно только с благодарностью отнестись к словам Э. М. Мурзаева, что за почетный и ответственный труд по подготовке книги к первому переизданию он принимался, понимая всю сложность этого дела. Готовя книгу Н. М. Пржевальского к переизданию, Э. М. Мурзаев сохранил своеобразный свежий язык оригинала и последовательность изложения и при этом снабдил книгу примечаниями и комментариями, необходимыми при возросшем объеме знаний о Центральной Азии благодаря трудам учеников и продолжателей дела Н. М. Пржевальского. Добавим: в том числе и Э. М. Мурзаева.

Выступая в качестве редактора, Э. М. Мурзаев по праву ученого-географа пишет, что книга Н. М. Пржевальского, вышедшая в 1875 г., явилась эпохой в географии. Далее читаем: «Можно без преувеличения сказать, что из всех работ Пржевальского, посвященных Центральной Азии, „Монголия и страна тангутов” занимает особое место. Это лучшее произведение автора, полное новаторства и оригинальности, богатое научными данными, обработка которых привела к поразительным результатам. <...> Книга говорит о большом таланте ее автора, писателя большой руки, благодаря чему она интересна всем, а не только специалистам-географам или натуралистам» [Там же. С. 5]. Попутно читатель обнаруживает откровенное признание редактора, представляющего историю книги и зарождение мыслей о новом маршруте «великого охотника» в горы и пустыни: «Что может быть приятнее для путешественника, чем узнать, увидеть, побывать, описать. Эта благородная мысль живет в исследователе и двигает его на смелые, отважные поступки, на долгие и тяжелые лишения в суровой страннической жизни» [Там же. С. 6]. Редактор Э. М. Мурзаев, сам недавно побывавший в Монголии, где маршрут одной из его экспедиций пролегал по гобийской земле, имел особое право на подтверждение данного Н. М. Пржевальским гениального определения характера сложения пустыни Гоби как впадины с разнообразными ландшафтами, опровергнутого теорию Гумбольдта, что Гоби есть плоское вздутие, покрытое песками. Э. М. Мурзаев обращает внимание на исключительную ценность результатов метеорологических наблюдений Пржевальского, которые он вел с большой тщательностью и акуратностью. И снова — удостоверенное собственным опытом понимание того, на-

сколько сложно вести подобные наблюдения методично. Своим опытом он делится с читателем: «Кто путешествовал и работал в экспедициях, в далеких и трудных маршрутах, тот знает, как трудно проводить систематические наблюдения в одни и те же часы суток. Жизнь в экспедициях полна лишений, физическое утомление порою связывает инициативу ученого; к тому же очень часто в пути, по характеру маршрута, бывает необходимым идти без задержек, быстрым темпом или по ночам. В такие дни приходится забывать о необходимости в определенное время повторить измерения или наблюдения. Многие из путешественников, начиная с Пржевальского, жаловались на то, что труднее всего регулярно вести маршрутную съемку пути, особенно в горах» [Там же. С. 25].

Как редактор он позаботился еще и о том, чтобы в книге были выверены названия растений и животных, для чего обратился за помощью к специалистам, побывавшим в Монголии. Это были ботаник Н. В. Павлов и зоолог А. Г. Баранников, имена которых названы с большой благодарностью. В примечаниях и комментариях к труду Н. М. Пржевальского легко обнаруживаются наблюдения, вынесенные Э. М. Мурзаевым из собственных экспедиций по Монголии и жизни в ее столице. Например, он уточняет названия разных участков горной цепи, что на севере от Улан-Батора: *Сэльбин-нуру* и близкий к городу — *Чингильту*. К описанию Пржевальским монгольской столицы второй половины XIX в. он добавляет картину Улан-Батора первой половины 40-х гг. XX в.: «Особенно хороша панорама Улан-Батора, — не сдерживает эмоций комментатор, — с гор, окружающих город». В другом комментарии вносит поправку в данные о Гоби: «Гоби на участке от Улан-Батора до Калгана не является такой пустынной. В годы с нормальным количеством осадков здесь летом развивается разнообразная полупустынная растительность, дающая корм для верблюдов и мелкого рогатого скота. <...> Ныне по маршруту Н. М. Пржевальского в 456 км на юго-восток от Улан-Батора вырос новый аймачный центр Сайн-шанда» [Там же. С. 307]. Приводит сведения о монгольской музыке, ссылаясь на статью С. А. Кондратьева, опубликованную в 1924 г. в Известиях Русского Географического общества [Там же. С. 309]. Привлекает внимание комментарий Э. М. Мурзаева к присущему Гоби зайсанскому саксаулу, который, по его словам, в «пустынях Туркестана заменяется другими двумя видами, хорошо известными по нашей литературе: белым и черным саксаулом» [Там же. С. 317]. Еще одно сравнение с туркменскими реалиями дается в связи с такой мерой длины у монголов, как *алд*. «Мера длины — растянутые в противоположные стороны руки, — пишет комментатор Мурзаев, — очень распространена среди многих скотоводческих народов Азии. <...> ...у туркмен он называется „кулач“, им исчисляется измерение глубины колодезцев в пустынях» [Там же. С. 318].

Много особенностей природы Монголии, ее растительного мира, этнографических деталей мы узнавали, как говорится, из первых рук. Наш преподаватель был еще во власти свежих экспедиционных впечатлений, важных наблюдений, прозорливых научных выводов, к которым приводили итоги глубоких размышлений. В 1947 г. под грифом Географического общества Союза ССР в Ленинграде вышла первая в серии исследований по Монголии книга Э. М. Мурзаева «Монгольская Народная Республика. Страна, люди, хозяйство». На синей обложке с двумя линиями — сверху и внизу — распространенного у монголов молоточкового орнамента изображен мчащийся всадник, держащий в правой руке *уургу* (укрюк). Книга писалась после 25-летия революции 1921 г. и начиналась с рассказа об изменениях, произошедших в стране, еще недавно слышавшей «неведомой Монголией». Далее следует искреннее заинтересованное повествование о «нашем соседе». В описании географического положения — живые картины образно являют землю монголов с их кочевьями... Обилие местных монгольских названий непременно сопровождается объяснениями и приобщением читателя к топонимике. Эту книгу любопытно перечитывать после того, как доведется увидеть Монголию своими глазами. И мне как филологу приятно отметить, что Э. М. Мурзаев первый из неспециалистов проник в своеобразие монгольской народной протяжной песни — неотъемлемой части жизни монгола, издавна наполнявшей его сердце высоким чувством одухотворения.

В своей книге Э. М. Мурзаев характеризует научно-исследовательскую работу Комитета наук, отмечая, что с первых дней его основания и до сих пор географические исследования занимают видное место в его планах. «Здесь сказываются, с одной стороны, славные традиции, созданные знаменитыми русскими путешественниками, а с другой стороны — тот исключительный интерес, который представляет географическое изучение Центральной Азии, начатое в середине прошлого века и еще далеко не завершенное и по сей день» [Мурзаев, 1947. С. 90—91]. Там же автор указывает на деятельность последней экспедиции П. К. Козлова, на помощь, оказанную ее участниками молодому научно-исследовательскому Комитету как советом, так и непосредственной разработкой отдельных тем. «Некоторые участники этой экспедиции, — пишет Э. М. Мурзаев, — были приглашены впоследствии монгольским правительством для работы в Комитете наук» [Там же. С. 90]. Монгольские ученые свидетельствуют — их благодарная память дорогого стоит — о заботе Э. М. Мурзаева о фондах Кабинета географии Комитета наук МНР. Так, ученик Э. М. Мурзаева Ц. Пунцагноров вспоминал: «Это было летом 1940 г. Председатель Комитета наук Б. Джаргалсайхан, повстречав меня, неожиданно предложил: „К нам из Советского Союза приезжает ученый-географ. В ученики к нему пойдешь?“

Через некоторое время состоялась моя встреча с Мурзаевым-багши в Кабинете географии Комитета наук. После знакомства он подвел меня к беспорядочному нагромождению всяких бумаг, сваленных в кучу в одном из углов большой комнаты; там в папках и без папок лежали рукописные, машинописные тексты, всевозможные карты, — и сказал: „Итак, разберем и упорядочим вдвоем эти фонды”.

Я надел такой же, как у учителя, синий халат и вместе с ним начал разбирать бумаги, оказавшиеся богатыми материалами, собранными учеными, изучавшими географию Монголии. За этим занятием в пыли мы провели много дней. Мы определяли принадлежность материала к тому или иному фонду, расправляли, подклеивали, приводили в порядок, атрибутировали и раскладывали в шкафу в соответствии с должной классификацией. Среди материалов, написанных на разнообразной бумаге — обыкновенной, меловой, му-тоу (сорт китайской бумаги. — *К. Я.*) — было довольно много работ А. Д. Симукова, написанных по-монгольски и по-русски. Мы разбирали и также классифицировали карты, выполненные на кальке или на просвечивающей насквозь желтой бумаге. В науке нужно учиться аккуратно делать и черновую техническую работу. Через несколько месяцев наш кабинет стал очень уютным и вся обстановка звала к работе над разобранными материалами.

В работе географа чрезвычайно важное место занимают экспедиционно-полевые работы. Наша экспедиция проделала путь в много тысяч километров по земле Монголии летом и осенью 1941 г. Мурзаев-багш, Ш. Цэгмид и я — втроем на „трехтонке” ездили по западным аймакам. Перевалив Эгийн-даваа, продолжая свой маршрут, мы работали в районе Их Богд уул, озера Орог; захватив Шаргын гоби, Кобдоский и Баян-Улегейский аймаки; от озера Увс через Хан-Хөхий вышли к Хубсугулу и через Булган вернулись в Улан-Батор. <...> Та прекрасная экспедиция, когда на каждый вопрос, возникавший при открывавшихся что ни день новых картинах, можно было получить научно обоснованный ответ, не уходит из памяти.

Мурзаеву-багши в ту пору было тридцать с небольшим. Ясно помнится его хороший характер, поразительная наблюдательность, исключительная работоспособность. Он любит литературу, в особенности поэзию. Знает много стихов наизусть. Хорошо водит машину. В дороге заболел наш шофер, его пришлось госпитализировать в Улан-гоме. И наш багши по длинной непростой дороге от Убса до Улан-Батора сам сидел за рулем.

Э. М. Мурзаев не чурался, не откладывал никакой трудной работы. Наоборот, он всех увлекал своим примером, был истинным лидером. Так было в песках Гоби, на болотистых склонах Хангая. Он был очень прост и скромен в жизни. Приехав к нам в страну из Москвы, жил с семьей в маленьком глинобитном доме во дворе Комитета наук. Иногда сам пилил и колол дрова, носил воду от бочки водовоза.

Верным и близким помощником ему была супруга Валентина Григорьевна, перепечатавшая все, что он писал. Его дочери Вика и Лютик постоянно играли с монгольскими детьми, свободно общались по-монгольски» [Пунцагноров, Мурзаев, 1988. С. 63—66].

В тот же год, когда вышел первый том переиздаваемых трудов Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» [1946], была учреждена золотая медаль его имени. В 1947 г. Э. М. Мурзаев был награжден ею за географические исследования в МНР. Редкий ученый удостоивается такой награды. Будущие монголисты, мы безмерно гордились нашим учителем. Мы были благодарны ему за то, что он непосредственно делился с нами своими научными знаниями по Монголии. Он увлек нас этой солнечной страной, своими захватывающими внимание лекциями, открывая сохранившуюся первозданность монгольской земли, удивительную самобытность монголов, разжигая в наших сердцах сильное желание познать как можно шире историческое прошлое монгольского народа, приобщиться к его культуре, поддерживая наши смелые мечты поскорее увидеть своими глазами яркие контрасты необыкновенной природы.

Еще через год из печати вышла книга Э. М. Мурзаева «Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание» [1948]. Этот системный труд по заслугам был удостоен Сталинской (Государственной) премии. Достаточно познакомиться с оглавлением книги, как представится очевидной ее авторская научная структура. С первых же страниц книги мы учились уважению ко всему, что сделано предшественниками. Не было случая, чтобы Эдуард Макарович в своих трудах не назвал их — исследователей Монголии, не сослался на обработанные материалы, не упомянул даже самую маленькую статью, где освещалась в той или иной степени проблема, над которой размышлял, которую исследовал он сам. В кратком предисловии к книге читаем: «... работы, систематически производившиеся Комитетом наук МНР в г. Улан-Баторе, существенным образом углубили наши представления о физической географии Монгольской Народной Республики» [Мурзаев, 1948а. С. 4]. И далее автор приносит искреннюю благодарность Комитету наук МНР «за возможность ознакомиться с тем богатым рукописным фондом, которым располагает Кабинет географии Комитета наук» [Там же. С. 5] (подчеркнуто мною. — *К. Я.*). Тот, кто знаком с историей этого научного монгольского учреждения, знает, что упомянутый фонд создавался с участием российских ученых — В. И. Лисовского, С. А. Кондратьева и, в особенности, А. Д. Симукова.

Почти одновременно были опубликованы записи, сделанные географом Мурзаевым на экспедиционных маршрутах в Монголии. На этот раз мы открыли, что Эдуард Макарович наделен еще и литературным даром. Об этом свидетельствуют и серьезные научные труды, в которых главные предметы его исследований — пустыни и воды, излюбленная топо-

ника — наполнены живой силой. Незабываемы и страницы книг, написанных о непроторенных путях путешествий по Центральной, Юго-Восточной Азии и Китаю. Одна из этих книг так и называется «Непроторенными путями». Она выдержала несколько изданий [Москва, 1948; 1950; 1954], переведена на иностранные языки [Лейпциг, 1956; Улан-Батор, 1956]. В ней удивительным образом сплелись точные знания, образное видение природы и владение словом. Открыв раздел с Хэнтэйскими впечатлениями, сразу оказываешься рядом с путешественниками-исследователями монгольской земли [Мурзаев, 1948б. С. 145]. Повседневные записи сменяются обобщенными впечатлениями; километр за километром вычерчиваются на планшетах линии маршрутов, в итоге становится ясной сложная географическая картина Монголии. (Впечатления непременно записываются — «на память полагаться нельзя» [Там же. С. 209] — читаем как назидание.) Не забыты маршруты экспедиций Э. М. Мурзаева и в Монголии. Они нанесены на большую карту страны, экспонируемую в Центральном музее г. Улан-Батора.

Путевые очерки легли в основу следующих книг. В 1962 г. выходит «Путешествие без приключений и фантастики». Продолжается публикация записок географа под названием «Путешествие в жаркую зиму» [1967]. На этот раз они посвящены впечатлениям о Вьетнаме, где Э. М. Мурзаев работал с научными сотрудниками Комитета наук ДРВ, путешествуя вместе с ними от края до края по горам и равнинам страны. Фотоаппарат исследователя позволил включить в книгу прекрасные кадры иллюстраций к тексту. Со страниц таких книг продолжаешь слышать голос нашего учителя, его знакомые интонации. Открываешь для себя еще и еще одно свидетельство его пристрастного чтения художественной литературы, радостного обнаружения созвучных признаний писателей, склонных к путешествиям или простому общению с природой. С ними он будто укреплялся в уверенности, что жанр путевых записок, очерков, дневников не изжил себя. «Однако в путешествии не только слышишь, но и видишь, а это позволяет многое понять, в малом осмыслить большое», — пишет Э. М. Мурзаев и далее приводит выдержку из «Книги странствий» Константина Паустовского, широко читаемого в 60-е гг. XX в. писателя. «Самое трудное, — признается в заключение Эдуард Макарович, — интересно и лаконично рассказать о путешествии» [Мурзаев, 1967. С. 10].

Из многих запомнился научно обоснованный рассказ Э. М. Мурзаева об истории процесса образования в тихоокеанской прибрежной зоне Юго-Восточной Азии архипелага Халонг. Вьетнамцы, следуя давней легенде, объясняли это название как «спускающийся дракон» [Там же. С. 38]. Любопытный топонимист Э. М. Мурзаев неотступно размышляет о предлагаемой этимологии. Через 30 страниц текста этой же книги в очерке «Географические названия Вьетнама» он приводит другие варианты, выяснив, что слово *лонг* ('дракон') некогда обозна-

чало просто воду, а также соответствует вьетнамскому *сонг* 'река'. Кроме того, в древних вьетнамских иероглифах то же самое *сонг* читалось как *лонг* [Там же. С. 58—59].

30 тысяч читателей этой книги (таков был ее тираж) благодаря рассказу ученого-путешественника Э. М. Мурзаева в 60-е гг. XX в. узнали о существовании этого архипелага, об уникальной бухте с множеством островов. Удивительная красота Халонга, береговая полоса этой вьетнамской земли вызвала у Э. М. Мурзаева ассоциации с Южным берегом родного Крыма, теплым Черным морем; память подсказала неумирающие пушкинские строки:

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины...

Бухта Халонг с ее уникальным ландшафтом в конце XX в. была признана мировым сокровищем наследия человечества. (В самом начале XXI в. группа документалистов немецкого кино сняла там цветной фильм, который демонстрируется по миру в сериале «Schätze der Welt». В России он был показан по каналу «Культура» 14 января 2009 г.) А мы благодаря искусству Э. М. Мурзаева видеть, чувствовать и рассказывать о прекрасном узнали о Халонге давно, в конце шестидесятых годов прошлого века. Это от него мы узнали, что горы Халонга опустились в океан: они отпали от материка, стали островами.

В 60 лет, по достижении пенсионного возраста, Э. М. Мурзаев оставил пост заместителя директора Института географии АН СССР и целиком посвятил себя науке. Главным местом работы стал письменный стол в небольшой комнате, служившей домашним кабинетом, в уютной квартире академического дома на ул. Вавилова. Высокая береза, дотянувшаяся в углу городского двора до пятого этажа, стучала своими ветками в окно, как бы приветствуя ученого за ежедневной работой. На стене напротив — картина с монгольским мотивом, подаренная А. Н. Формозовым, блестящим ученым, зоогеографом и художником-анималистом, занимавшимся научным исследованием фауны Монголии. Им написана работа «Млекопитающие Монголии по сборам экспедиции 1926 г.» и книга «В Монголии» [1928] — путевые очерки и зарисовки автора во время путешествия. Эдуард Макарович очень ценил эту книгу А. Н. Формозова. Он ставил его имя в один ряд с именами ученых с широкими интересами, такими как К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, Л. С. Берг, В. А. Обручев, умевшими увлекательно рассказать о жизни природы. «А. Н. Формозов, — пишет Э. М. Мурзаев, — отдал делу популяризации науки свои таланты: опыт натуралиста, перо писателя, кисть художника» [Мурзаев, 1979. С. 54] и с большим пиететом говорит о книге 1928 г.: «Небольшая книга подкупает свежестью восприятия окружающего огромного мира. Ее отличают непосредственная искренность пишущего, интересные наблюдения натуралиста и

опять наблюдения просто внимательного и вдумчивого человека, попавшего в незнакомую страну. Читая книгу, чувствуешь бесконечные просторы Монголии, ее спокойные и выразительные пейзажи и краски, как будто не терпящие полутонов: синие, фиолетовые, розовые» [Там же. С. 55].

Постоянный труд. Без него немислима была жизнь Э. М. Мурзаева. С вечера посредине стола готовилась стопка чистой бумаги. Утром — лист за листом — она заполнялась рукописным текстом собственной книги, рецензией на новое географическое издание или разделами статьи, обещанной в научный журнал. Научные труды и научно-популярные издания соседствовали на рабочем столе ученого-географа. В любви к популяризации науки он видел одну из закономерностей труда ученого. У работ Эдуарда Макаровича есть своя особенная примета. Она — порождение его вдумчивого прочтения научных трудов, художественной литературы, что было унаследовано от наставников, которым он поклонялся всю жизнь. Редкий случай, когда его авторская работа не открывается эпиграфом из трудов почитаемых писателей и ученых, не содержит цитаций из поэтических произведений.

Много десятилетий, еще со времени экспедиций по Средней Азии в 30-е гг., Э. М. Мурзаева интересовали топонимические сюжеты. Такие изыскания начались со сравнительного изучения народной географической терминологии и ее роли в образовании собственных названий и знакомства со статьями известных ученых, печатавшимися в научных журналах и сборниках. Топонимикой в России интересовались с XVIII в. Труды академика И. И. Лепехина (1740—1802) не остались без внимания Э. М. Мурзаева. Лепехинское выражение «Я стою на краю леса и вижу только его опушку» служит символическим эпиграфом к «Словарю народных географических терминов», над которым Э. М. Мурзаев трудился долгие годы. Следуя правилам, выработанным за годы научной деятельности, во введении к Словарю автор называет имена предшественников-топонимистов, пишет краткую историю появления подобных словарей, называет наиболее известные труды. Э. М. Мурзаев специально оговаривает важность местной терминологии для науки, так как в ней «...сохранились многие архаичные слова, присущие только отдельным диалектам, позволяющие судить об истории языка, языковых контактах, ареалах термина, о смысловых сдвигах, что важно не только для лингвистов, но и для географов» [Мурзаев, 1984. С. 7]. Ученые высоко ценили работы Э. М. Мурзаева по топонимике. Академик Н. И. Толстой, которому принадлежит монографическое исследование «Славянская географическая терминология» [1969], говорил топонимисту Мурзаеву: «Вы, Эдуард Макарович, мой крестный отец!» Э. М. Мурзаев о своем

словаре писал следующее: «Всякий словарь — произведение обобщающее и в какой-то мере компилятивное. Предлагаемый труд не исключение. Однако автору хотелось бы думать, что словарь в той же мере оригинален, просто потому, что у него нет предшественников. Для Советского Союза <...> словарь оказался первым. И еще потому, что в течение многих лет экспедиционной работы в Средней и Центральной Азии составитель собирал географические термины и пытался на их основе осмыслить собственные названия» [Там же. С. 10]. С выходом Словаря Э. М. Мурзаев не оставил полюбившуюся топонимику. В день своего 80-летия, отказавшись на заседании Ученого совета Института географии от официального чествования, он предложил вниманию собравшихся научный доклад «Слово на карте». Еще через 8 лет наш неутомимый учитель обрадовал нас новым фундаментальным трудом, впервые обобщившим закономерности формирования топонимии тюркоязычных народов. В книге «Тюркские географические названия» [1996] автор систематизировал географические термины и географические названия, общие в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также тюркские географические термины, заимствованные в русский литературный язык и научную географическую литературу.

Книги Э. М. Мурзаева с очерками, записями путешественника, рассказы об ученых раскрывают неординарную личность автора, его начитанность, душевную настрой, все то, что составляет особую привлекательность общения с ним. Его научные труды и научно-популярные книги сплетаются в единое целое и имеют для науки непреходящую ценность. Славно, что несколько поколений научных сотрудников коллектива Института географии РАН летом 2008 г., широко отмечая 100-летие со дня рождения Эдуарда Макаровича Мурзаева, чествовали его как выдающегося исследователя, определив ему как ученому-энциклопедисту место рядом с великим В. А. Обручевым!

Обычно принято на последней странице обложки издаваемой книги помещать аннотацию, портрет автора. Вместо этого на книге Эдуарда Макаровича Мурзаева «Тюркские географические названия» напечатаны стихотворные строки Николая Рериха и поэта Сергея Маркова. Как завещание нам:

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки.
Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незабытым странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.

Литература

Мурзаев Э. М. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский // Н. М. Пржевальский. Мон-

голия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной и Нагорной Азии. М., 1946.

- Мурзаев Э. М.* Монгольская Народная Республика. Страна, люди, хозяйство. Географическое общество Союза ССР. Л., 1947.
- Мурзаев Э. М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. ОГИЗ. М., 1948а.
- Мурзаев Э. М.* Непроторенными путями. М., 1948б.
- Мурзаев Э. М.* Путешествие в жаркую зиму. М., 1967.
- Мурзаев Э. М.* Жизнь есть деяние. К столетию со дня рождения академика Л. С. Берга. М., 1976.
- Мурзаев Э. М.* Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Пунцагноров Ц. Э. М. Мурзаев багшийн төрсний 80 жилийн ойд зориулан // Шинжлэх ухаан амьдрал.* 1988. № 5.